

(hidden)

Веруйте в свет, да будете сынами света!

[Ин. 12:36]

Епископ Иларион (Алфеев)

[Home](#) [Почта по сайту](#) [Обратная связь](#)

26

❖ [БИОГРАФИЯ](#) ❖ [БИБЛИОГРАФИЯ](#) ❖ [КНИГИ](#) ❖ [ПЕРЕВОДЫ](#) ❖ [СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ](#) ❖ [КАТЕХИЗИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ](#)
❖ [ИНТЕРВЬЮ](#) ❖ [РЕЦЕНЗИИ](#) ❖ [АУДИО-И ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ](#) ❖ [НОВОСТИ](#) ❖ [ФОТОГРАФИИ](#) ❖ [РАЗНОЕ](#) ❖ [ГОСТЕВАЯ КНИГА](#)

[Отобразить меню](#)

[Главная страница](#) / [Избранные статьи, доклады](#) /

 [Версия для печати](#)

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ИЛИ ПРОКЛЯТИЕ? ТРАДИЦИОННЫЕ И ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В СПОРЕ МЕЖДУ ХРИСТИАНСТВОМ И ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ

Доклад на Мировом общественном форуме «Диалог цивилизаций», Гавана (Куба), 27-30 марта 2005 год.

Основным вопросом современного межцивилизационного диалога является вопрос о ценностях. От ответа на него, о того, какие ценностные ориентиры будут признаны основополагающими, зависит настоящее и будущее человечества

Вопрос о ценностях в контексте глобализации и секуляризации

Особую актуальность и особую остроту дискуссия о ценностях приобретает в контексте глобализационных процессов

атрагирующих все более широкие слои населения во всем мире. Глобализация – процесс многомерный, многоплановый и многоуровневый. Глобализация влияет как на мир в целом, так и на отдельные страны и регионы, как на все человеческое сообщество, так и на конкретных людей; она затрагивает политику и экономику, мораль и право, науку и искусство, образование и культуру. Глобализация накладывает свой отпечаток практически на все сферы жизнедеятельности человека, за исключением, пожалуй, одной: религии. Только религия сегодня последовательно сопротивляется отчаянному натиску глобализма, вступая в неравный бой за защиту тех ценностей, которые она считает основополагающими и которым глобализация бросает вызов. И только религия способна противопоставить идеологии глобализма свою систему духовно-нравственных ориентиров, основанную на многовековом опыте поколений, сформировавшихся в до-глобализационную эпоху. В современной битве за ценности по разные стороны баррикад чаще всего оказываются люди, вдохновляющиеся религиозным идеалом, и те, чье мировоззрение сформировано секулярным гуманизмом. Мировоззренчески терзанием современной идеологии глобализма является гуманистическое представление об абсолютном достоинстве человека и о наличии универсальных, «общечеловеческих» ценностей, которые должны стать основой единой мировой цивилизации. Под общечеловеческими ценностями, однако, понимаются не только те духовно-нравственные установки, которые являются общими для всех религий или которые равно обязательны как для религиозных, так и для нерелигиозных людей («не убий», «не укради», «не лжесвидетельствуй» и т.д.), но и многие спорные с религиозной точки зрения идеи, укорененные в либерально-гуманистической морали. Последним относится, в частности, утверждение о «праве каждой личности на свой образ жизни, простирающемся настолько далеко, насколько это не наносит ущерба другим»[1]. С точки зрения гуманистической морали единственным ограничителем свободы человека является свобода других людей: нравственно то, что не затрагивает интересы других; безнравственно то, что ущемляет их свободу. Понятие абсолютной нравственной нормы, как и понятие греха, в современной гуманистической этике вообще отсутствует. В религиозной традиции, напротив, существует представление об абсолютном, то есть богоустановленном, нравственном законе, и об отклонении от него, которое именуется грехом. С точки зрения религиозного человека, совсем не все, что не затрагивает непосредственно интересы других людей, является нравственно допустимым. И истинной свободой для верующего является не вседозволенность, но освобождение от греха, преодоление в себе того, что препятствует духовному совершенствованию.

Современный либеральный гуманизм не случайно самым тесным образом связан с глобализацией. В его основе, как и в основе глобализационного проекта, лежит представление о собственной универсальности и безальтернативности. Как замечается, на словах гуманисты признают право человека исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, так как было бы не политкорректно вообще отказывать религии в праве на существование. На деле же гуманизм вдохновляется, прежде всего, именно антирелигиозным пафосом и потому стремится максимально ослабить религию, загнать ее в гетто, вытеснить из общественной сферы, минимизировать ее влияние на людей, особенно на молодежь. Секулярное, светское, антицерковное и антиклерикальное направление современного гуманизма очевидно. И именно потому, что гуманистическая идеология приобретает все более яркие черты воинствующего секуляризма, конфликт между ней и религией становится все более похожим на борьбу за выживание – борьбу не на жизнь, а на смерть. Эту борьбу сами либералы и гуманисты любят изображать как столкновение между – с одной стороны – устаревшим, отжившим свой век, основанным на донаучных представлениях, на «метафизических и теологических спекуляциях прошлого»[2] мировоззрением, и – с другой стороны – прогрессивным, научным и современным взглядом на жизнь. Главную идею они внедряют в умы людей через средства массовой информации и через систему государственного начального, среднего и высшего образования, которая в большинстве стран Запада находится в их руках. Молодежь воспитывается на представлении о том, что мы живем в «постхристианскую» эпоху, что религия – удел пожилых людей, безнадежно отставших от жизни. Либеральный гуманизм активно борется за сердца и умы молодых, полагая, что именно от их мировоззренческих установок будет зависеть исход всемирного спора о ценностях, который гуманисты пытаются выдать за конфликт поколений. Целый ряд политологов, историков и философов основывают свои теории на представлении о либерализме как образе мышления и образе жизни, пришедшем на смену традиционному религиозному укладу. Типичным представителем такого подхода является американский ученый Френсис Фукуяма, чья историософия основана на учении Гегеля о конце истории и ницшеанской идее «последнего человека». Полагая, что у либерального мировоззрения нет альтернатив, Фукуяма считает возможным игнорировать вызовы либерализму, «исходящие от всяких чокнутых мессий»[3], то есть, в переводе на нормальный язык, исходящие от представителей традиционны

елигий. Фукуяма рассматривает религию как препятствие всеобщему торжеству демократического либерализма и остроению мирового государства без границ. Наиболее приемлемым для такого государства Фукуяма считает духовно-нравственный релятивизм, успешно внедряемый через систему образования большинства западных стран Современное образование... освобождает людей от приверженности традиции и авторитету... Иными словами современное образование стимулирует определенные тенденции к релятивизму, то есть учению, в котором все горизонты и системы ценностей относительны, связаны со своим местом и временем, и никакие слова не суть истина, но отражают предубеждения или интересы тех, кто их произносит. Учение, которое утверждает, что не привилегированных точек зрения, очень точно подходит к желанию демократического человека верить, что его образ жизни не хуже и не лучше других... Последний человек в конце истории знает, что незачем рисковать жизнью ради какой-то великой цели, поскольку считает историю полной бесполезных битв, где люди дрались друг с другом ешая, следует ли быть христианином или мусульманином, протестантом или католиком...»[4]

Фукуяма с нескрываемым удовлетворением пишет о том, что «либерализм укротил религию в Европе... Религия казалась отодвинута в сферу частной жизни – изгнана, и, кажется, более или менее навсегда, из политической жизни европейцев»[5]. Фукуяма считает, что «верования теперь больше разделяют, чем объединяют людей, потому что слишком много альтернатив. Конечно, человек может вступить в одну из многих узких общин верующих, но эти общины вряд ли будут перекрываться с его кругом общения на работе или по месту жительства. А когда вера станет неудобной – если родители лишат верующего субсидии или окажется, что гуру запускает лапу в кассу, – то вера просто проходит, как любая стадия подросткового развития»[6].

Реальность, однако, свидетельствует о том, что для миллионов людей на земном шаре вера является не просто тапом взросления и не чем-либо мотивированным родительской волей или наставлениями гуру, а делом сознательного выбора, определяющим их жизненную позицию. Для этих людей совсем не безразлично, быть ли им христианами или мусульманами, протестантами, православными или католиками. И многие из них готовы не только рисковать жизнью ради великой цели», но, если необходимо, то и отдать жизнь за свою веру, как это произошло десятками тысяч мучеников и исповедников веры в России XX века. Их подвиг, а также беспрецедентное по своим масштабам религиозное возрождение последних полутора десятилетий в России и других странах Восточной Европы свидетельствуют о том, что религиозный этап в развитии человечества отнюдь не пройден и что вера способна вдохновлять людей в наши дни, как и столетия назад

Поэтому можно со всей определенностью утверждать, что секулярная идеология приходит отнюдь не на смену религиозному мировоззрению и что религиозная система ценностей будет и дальше существовать наряду с либерально-гуманистической. «Будет неверным интерпретировать столкновение этих двух систем ценностей как противостояние двух миров: старого, традиционного и современного, демократического. Если бы это было так, то противостояние двух ценностных систем не имело бы места – можно было бы говорить лишь об исторической преемственности... при которой прежние традиционные ценности трансформируются в новые, соответствующие новым мировым реалиям, а таковыми являются так называемые либерально-демократические ценности. Речь идет совсем не о преемственности ценностей в их историческом развитии, но именно о противостоянии, доходящем иногда до политических, религиозных и военных конфликтов»[7].

Опасность сегодняшней межцивилизационной ситуации в значительной степени обусловлена тем, что западная либерально-гуманистическая идеология, исходя из представления о собственной универсальности навязывает себя тем людям, которые воспитаны в иных духовно-нравственных традициях и имеют иные ценностные ориентиры. Эти люди видят в тотальном диктате западной идеологии угрозу своей идентичности. Ярко выраженный антирелигиозный окрас современного либерального гуманизма вызывает неприятие и отторжение тех, кто воспринимает норму веры как норму жизни[8], т.е. тех, чье поведение религиозно мотивировано и чья духовная жизнь питается на религиозном опыте. Речь в данном случае идет не только об индивидуумах, для которых вера является делом их собственного выбора, но и о целых нациях, культурах и цивилизациях, сформированных под влиянием религиозного фактора. Именно на межнациональном, межкультурном и межцивилизационном уровне противостояние между секуляризмом и религией может перерасти в открытое столкновение

Существует несколько вариантов религиозного ответа на вызов тоталитарного либерализма и воинствующего секуляризма. Наиболее радикальный ответ дают представители крайних направлений ислама, объявивших джихад западной «постхристианской» цивилизации со всеми ее так называемыми общечеловеческими ценностями. Феномен 11 сентября не может быть понят без осмысления той реакции, которую в современном исламском мире вызывает давление Запада, в частности США, навязать ему свои мировоззренческие и поведенческие стандарты. Мы привыкли к заявлениям о том, что у терроризма нет ни национальности, ни вероисповедания, и никто не сомневается

то основной причиной террористических актов являются неразрешенные проблемы этнического или политического характера. Но в то же время невозможно отрицать тот факт, что наиболее агрессивные представители современного исламского терроризма вдохновляются религиозной парадигмой, воспринимая свои действия как ответ на тотальную гегемонию западного секулярного мышления. И до тех пор, пока Запад будет претендовать на всемирную мировоззренческую монополию, позиционируя свои стандарты как безальтернативные, обязательные для всего мира: для всех народов, дамоклов меч терроризма будет продолжать висеть над всей западной цивилизацией. Другим вариантом религиозного ответа на вызов секуляризма является попытка приспособить саму религию, включая догму и мораль, к современным либеральным стандартам. Таким путем пошли некоторые протестантские общины, которые в течение вот уже нескольких десятилетий целенаправленно внедряют либеральные стандарты в свое учение и церковную практику. Результатом этого процесса явилось размывание догматической и нравственной основы христианства, позволяющее священникам не верить в воскресение Христа, оправдывать или венчать так называемые «однополые браки», самим вступать в такие браки, а богословам – переписывать Библию и создавать бесчисленные версии политкорректного христианства, ориентированного на либеральные ценности. Ревизионного вековой церковной традиции в угоду феминистическому движению привела в упомянутых общинах к введению института женского священства, что провело дополнительную демаркационную линию между ними и представителями традиционного христианства. В конце концов, третий вариант религиозного ответа на секуляризм – попытка вступить с ним в мирный, неагрессивный, хотя и заведомо неравный диалог с целью достижения баланса между либерально-демократической моделью западного общественного устройства и религиозным жизненным укладом. Такой путь избрали христианские Церкви, остающиеся верными традициям, а именно Римско-Католическая и Православная, а также представители некоторых других христианских религий, в частности, иудаизма, буддизма и умеренного ислама. Понимание необходимости диалога между церквями и религиозными общинами ширится и в кругах политиков либерально-демократической ориентации, приходящих к осознанию конфликтности ситуации, в которой оказываются религиозные общины, лишенные права на общественное самовыражение. Все большее число политиков ищет контакт с религиозными лидерами, понимая, что мнение церквей и религиозных общин не следует игнорировать при выработке тех ценностей, на которых будет строиться «новый мировой порядок».

Характерным примером такого понимания является Европейский Союз – один из основных катализаторов интеграционных и глобализационных процессов в современном мире. По своей мировоззренческой сути Европейский Союз является секулярным сверх-государством, построенным на гуманистических принципах, унаследованных от эпохи Просвещения. До недавнего времени попытки церквей и религиозных объединений наладить диалог с органами Евросоюза были почти исключительно инициативой самих этих церквей, не встречавшей какого-либо ответного ответа со стороны европейских международных организаций. Не существовало и по сей день не существовало структуры, которая позволяла бы церквям вести систематический и конструктивный диалог с Евросоюзом. Однако после того, как будет принята новая европейская конституция, такая структура должна появиться, поскольку проект конституции предусматривает «открытый, транспарентный и регулярный диалог» Евросоюза с церквями и религиозными организациями[9]. Включение данного пункта в конституцию, так же как и признание того факта, что «универсальные ценности», на которых строится Союз, вдохновлены «культурным, религиозным и гуманистическим наследием Европы»[10], может открыть новые возможности для диалога между религией и светским либеральным гуманизмом.

1 Римско-Католическая, и Православная Церкви обладают сегодня широкими возможностями для того, чтобы вести такой диалог на высоком интеллектуальном уровне. В социальных доктринах обеих Церквей проблематика диалога с секулярным гуманизмом по вопросу о ценностях получила глубокое и всестороннее освещение. Римско-Католическая Церковь касается этих вопросов во многих документах магистерия, из которых последним по времени является «Компендиум социальной доктрины Церкви», разработанный Папской комиссией «Justitia et Pax» и опубликованный в 2004 году[11]. В православной традиции наиболее значимым документом подобного рода являются «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», опубликованные в 2000 году. И тот и другой документ настаивают на приоритете религиозных ценностей над интересами земной жизни человека[12]. При этом «Компендиум» признает наличие «универсальных ценностей», однако под таковыми понимает ценности происходящие от Откровения и от человеческого естества»[13], то есть вытекающие как из антропологических, так и из религиозных предпосылок.

Лир сегодня нуждается именно в серьезном и вдумчивом диалоге, а не в дальнейшем продолжении и углублении конфликта между религиозным и гуманистическим мировоззрениями. Этот диалог и предлагает традиционн

ристианство. Оно выступает не против гуманизма как такового, а против его либеральной, атеистической версии. Церковь не приемлет тот вариант гуманизма, который, по словам его творцов, «исключает мистику и религию»[14]. Атеистическому гуманизму[15] Церковь противопоставляет религиозный гуманизм, основанный на духовных ценностях[16]. Речь идет о гуманизме, «который соответствует стандартам божественного плана любви в истории»[17] об «интегральном и солидарном гуманизме, способном создать новый социальный, экономический и политический порядок, основанный на достоинстве и свободе каждого человека, который должен воспитываться в мире праведности и солидарности»[17]. Ценности, перечисленные в приведенной цитате из «Компендиума социальной доктрины Церкви», вполне соответствуют тем, которые идеологами современного светского гуманизма, либерализма и глобализма определяются как общечеловеческие. Церковь не отрицает эти ценности, но вкладывает в них иное содержание. Именно в различном, иногда диаметрально противоположном понимании таких ценностей, как достоинство и свобода человека, и заключается суть противостояния между двумя гуманизмами – религиозным и атеистическим, церковным и светским, традиционным и либеральным. Представляется необходимым подробнее остановиться на этом вопросе.

Достоинство и свобода человека. Христианский и антихристианский гуманизм

В религиозной традиции понятия достоинства и свободы человека напрямую вытекают из представления о том, что человек имеет божественное происхождение. В библейской и христианской традициях говорится о том, что человек создан по образу и подобию Божию[18], причем образ понимается как нечто изначально заложенное в человека, а подобие – как некий потенциал, который ему надлежит реализовать. Преподобный Иоанн Дамаскин видит образ Божий в разумной природе человека и в наличии у него свободной воли, тогда как под подобием понимает уподобление Богу, насколько это возможно»[19]. Сердцевиной восточно-христианской антропологии является учение об обожении – всецелом уподоблении Богу, при котором человек по благодати становится тем, чем Бог является по естеству. Обожение есть цель христианской жизни. Оно достигается благодаря совместному творчеству и сотрудничеству, синергии Бога и человека. При этом от человека требуется добровольный и сознательный отказ от греха и направленность свободной воли к добродетели. Находясь на пути к богоуподоблению, человек не лишается свободы, однако его свободная воля приходит в гармоничное единство с волей Божией. Именно в свободной реализации человеком потенциала богоуподобления и заключается, по христианскому вероучению, наивысшее достоинство человека.

Важную роль в христианской антропологии играет учение о том, что изначальная богозданная природа человека подверглась тотальному искажению в результате грехопадения. Первозданный человек не имел греховных склонностей: его свободная воля находилась в послушании воле Божией и в гармонии с ней. Однако после того как человек вкусил от «древа познания добра и зла», то есть опытно приобщился к злу и греху, его свободная воля оказалась перед перманентным выбором между злом и добром. В каждый конкретный момент жизни человек должен делать этот выбор, причем, для того чтобы выбор был сделан в правильную сторону, необходима сознательная направленность его воли к добру. Преподобный Максим Исповедник говорит о наличии в человеке «воли природной», которая в своем естественном, первозданном состоянии всегда тяготеет к добру, но которая в падшем человеке может оказаться направленной к противоестественному – злу, греху и пороку. В то же время, по учению Максима, в человеке есть «воля суждения», то есть воля, присущая личности и способная корректировать направленность природной воли, ориентируя ее на добро и очищая от греха[20]. В Иисусе Христе, Который был совершенным Богом и совершенным человеком, свободная человеческая воля всегда находилась в гармоничном единстве с волей Божией. Тогда как в обычном человеке, не достигшем святости, свободная воля нередко оказывается в конфликте с божественной волей.

Таким образом, христианство, как и секулярный гуманизм, говорит о достоинстве и свободе человека, однако, в отличие от секулярного гуманизма, настаивает на том, что принцип свободы должен быть уравновешен принципом духовной и нравственной ответственности человека перед Богом и людьми. Разумеется, в гуманизме понятие ответственности тоже наличествует, однако при отсутствии абсолютной нравственной нормы этот принцип означает лишь ограничение свободы одного человека свободой других людей. Реализация потенциала свободы, с точки зрения атеистического гуманизма, есть не что иное, как беспрепятственное осуществление человеком всех своих желаний и стремлений, за исключением тех, которые препятствуют осуществлению подобных желаний других людей.

также реализация тех его прав, которые не нарушают права других. Отсюда релятивистское толкование каких бы то ни было нравственных норм, каких бы то ни было духовных ценностей. Ничто не является нормой и ценностью само по себе, если единственным критерием оказывается свободная воля человека. Каждый человек может определять для себя ценностные ориентиры, в зависимости от своего мировоззрения, от своих желаний, устремлений, привычек и склонностей, и каждый человек вправе устанавливать для себя нормы поведения, исходя из своих собственных представлений о том, что хорошо и что плохо.

Для гармонизации и координации свобод индивидуумов в современном секулярном обществе существуют правовые нормы, долженствующее обеспечивать осуществление каждым человеком своих свобод без ущерба для свободы других людей. Однако конечной целью атеистического гуманизма является освобождение человека от любых внешних ограничителей его свободы, в том числе от тех нравственных норм, которые навязываются человеку обществом и государством. Не случайны призывы к так называемому «планетарному гуманизму», который предполагает постепенное освобождение человечества не только «от пут метафизики и теологии» [21], но и от приверженности к ценностям, характерным для отдельных государств, наций и народов. Идея построения мира без государственных, культурных и цивилизационных границ была близка уже некоторым деятелям Эпохи Просвещения. Однако именно сейчас, в эпоху глобализма, эта идея впервые получает возможность быть реализованной на практике. Ее осуществлением в равной степени озабочены лидеры мирового глобализма и активисты «планетарного гуманизма»: первые скорее по политическим и экономическим соображениям, вторые – исходя из своих мировоззренческих установок.

Форми современному секулярному гуманизму следует искать в антропологическом учении философов Эпохи Просвещения, которые первыми в новейшей истории бросили открытый вызов христианской антропологии. Просветители поставили во главу угла человеческий разум, который, как им казалось, может привести мир к всеобщему материальному и духовному процветанию. Вера в торжество здравого смысла, в позитивное содержание научно-технического прогресса, в абсолютную ценность научных открытий стала краеугольным камнем философии Просвещения. Именно в эту эпоху возникло искусственное противопоставление науки и религии: наука стала восприниматься как движущая сила прогресса, а религия – точнее, христианство – как препятствие на пути к всеобщему процветанию. Наиболее радикальные просветители вообще отвергали религию и стремились покончить с ней; менее радикальные признавали религию допустимой, но лишь в качестве моральной узды, необходимой для поддержания порядка в обществе. В ту эпоху впервые «столкнулись две всеобъемлющие идеи – идея Просвещения и идея христианства, причем первая стремилась приручить и поглотить вторую» [22].

Спор между просветителями и Церковью был не столько спором о Боге, сколько спором о человеке – о его природе и назначении, о его свободе и достоинстве. Именно антропологические предпосылки просветительских теорий, глубоко ошибочные с точки зрения христианства, привели к тому, что ни одна из попыток воплотить эти теории в жизнь не венчалась успехом. Отвергнув христианское учение о греховной поврежденности природы человека, просветители совоили чрезмерно оптимистичный, по сути, полностью нереалистичный и утопичный взгляд на возможности человеческого разума. Абсолютизовав свободу человека, просветители недооценили ее негативный и разрушительный потенциал, который реализуется в том случае, если действия человека не детерминированы абсолютной нравственной нормой, а его устремления и инстинкты не подчинены высшему духовному идеалу.

Пожное представление о свободе и возможностях человека, содержавшееся в мировоззрении эпохи Просвещения и развитое в материалистической философии XIX века, легло в основу нескольких масштабных общественно-политических проектов, которые обошлись человечеству очень дорого. Первым таким проектом была французская революция, явившаяся прямым воплощением в жизнь учения просветителей, от которых революция унаследовала не только идеалы свободы, равенства и братства, но и негативное отношение к религии. Просвещение бросило интеллектуальный вызов христианству, а революция попыталась физически уничтожить его. «Вольтер завершал свои письма фразой: "Раздавите гадину" ("Ecrasez l'infame!"), разумея церковь. Дидро объявил: "Человечество не освободится, пока последнего короля не удавят ишками последнего попа". Руссо прибавил: "Человек родился свободным, но сегодня он в цепях". Франция вняла призывам бумагомарателей. Монархия рухнула. Людовик XVI, Мария Антуанетта и французские аристократы отправились на гильотину. Церковь лишили имущества и разграбили. Разум восторжествовал над верой и привел к сентябрьской бойне, террору, Робеспьеру и диктатуре, Бонапарту и империи, а также к затянувшейся на четверть века панъевропейской войне, из которой Франция вышла обессиленной и раздробленной» [23].

Данная резкая оценка эволюционных событий во Франции XVIII века принадлежит консервативному американскому политику: ее несомненно, не разделяют многие в самой Франции, где взятие Бастилии продолжает оставаться государственным

раздником. Однако нельзя отрицать тот исторический факт, что революция не привела ни к свободе от цепей, которой мечтали просветители, ни к равенству, ни к братству, а достоинство человека, о котором столько говорилось в эпоху Просвещения, было жестоко попорчено репрессиями и гильотиной. Одним из масштабных общественно-политических проектов подобного рода стала русская революция. Ее идейную основу составил немецкий материализм, генетически связанный с Просвещением и французской революцией: он оставил перед мировым пролетариатом задачу построения бесклассового общества, в котором исключена эксплуатация человека человеком. Путем к достижению такого общества Маркс объявил социалистическую революцию, которая должна произойти во всех цивилизованных странах одновременно и привести сначала к свержению существующих режимов и установлению диктатуры пролетариата, а затем – к построению всемирной государственной структуры, именуемой коммунизмом. Места религии, которую Маркс называл «опиумом для народа»[24], в этой структуре, разумеется, не было. Социалистическая революция действительно произошла, но только не во всех странах вместе, а в одной, и привела она, как известно, не к построению коммунизма, а к десяткам миллионов жертв и десятилетиям жесточайшего террора. Третьим общественно-политическим проектом, который необходимо упомянуть в контексте интересующей нас темы, стал немецкий национал-социализм. Его идеологическая платформа была сформирована под влиянием учения Ницше о смерти Бога: место «убитого» Бога в этой системе должен был занять человек. Как ницшеанство, так и гитлеризм были глубоко антихристианскими по своей сути. В планы Гитлера входило создание новой религии, в которой раса и кровь были бы объявлены высшей ценностью. Еще в 1933 году он говорил о своем стремлении искоренить христианство в Германии, истребить его полностью вплоть до мельчайших корешков», заменив его новой религией «в бога природы, бога собственного народа, бога собственной судьбы, собственной крови». «Хватит рассуждать: Старый Завет, Новый Завет или даже просто слова Христовы... Все это один и тот же жидовский обман. Все это одно и то же и это не сделает нас свободными», – говорил Гитлер[25]. Нацистам не хватило времени для полного искоренения христианства, создания новой религии и внедрения ее в массы. Однако двенадцати лет и десятилетиями пребывания у власти в Германии хватило на то, чтобы развязать мировую войну, уничтожить десятки миллионов людей и совершить злодеяния, не имевшие прецедентов в человеческой истории. Безусловно, речь идет о трех весьма разных по своей идеологии общественно-политических проектах. Однако их многое объединяет. Во-первых, они исходили из ошибочных, с точки зрения христианства, антропологических предположений и искаженных представлений о свободе и достоинстве человека. Во-вторых, они ниспровергли традиционную шкалу ценностей и подменили ее теми или иными утопическими идеями. В-третьих, они были движимы крайней, иррациональной, животной ненавистью к христианству. В результате все три проекта обернулись для человечества катастрофой, принеся ему неисчислимые бедствия. Разумеется, современный секулярный гуманистический проект имеет много отличий от перечисленных. Современный гуманист, несомненно, даже глубоко оскорблено бы сравнение с национал-социализмом и коммунизмом. Гуманизм 2-й половины XX века, выразившийся во «Всеобщей декларации прав человека», возник как реакция на «варварские акты, которые возмущают совесть человечества»[26], то есть на преступления фашизма. Однако гуманисты отказываются видеть связь между этими преступлениями и теми антропологическими теориями, которые родились в отравленных безбожием умах французских просветителей XVIII века и были развиты материалистами XIX века. Гуманисты отказываются признать, что именно «гуманизация» нравственности посредством отвержения религиозной нормы стала основной причиной зверств сначала французских революционеров, а затем и коммунистов и нацистов. Современные гуманисты не отвергают генетическую связь своего мировоззрения с философией Просвещения, а во всех социополитических взглядах – с французской революцией. Следовательно, они не отвергают ни антропологические воззрения просветителей, ни те последствия, к которым эти воззрения привели в истории. Никогда не размежевались современные гуманисты и от антихристианского пафоса деятелей Просвещения; напротив, они продолжают настаивать на несовместимости христианства с прогрессом, веры с разумом, религии с наукой. «Вера и юга, который слышит молитвы, который, как предполагается, живет и заботится о людях... есть недоказуемая и вышедшая из моды вера», – провозглашают авторы Гуманистического манифеста 1973 года[27]. «Обещания бессмертного спасения и страх вечного наказания равно иллюзорны и вредны. Они отвлекают людей от современных проблем, от самореализации и от борьбы за социальную справедливость... Традиционные религии являются препятствием для прогресса»[28]. История человечества неоднократно демонстрировала утопичность и губительность тех гуманистических теорий, которые построены на искаженной антропологической парадигме, на отрицании традиционных ценностей, на

тверждении религиозного идеала и ниспровержении богоустановленных моральных норм. Однако до недавнего времени подобного рода теории могли быть воплощены в жизнь лишь в отдельно взятой стране. Идея «планетарного гуманизма» опасна тем, что она претендует на мировое господство, заявляя о себе как о норме, которую должны принять и усвоить все люди, вне зависимости от своей национальной, культурной или цивилизационной идентичности. Внедрение идеологии секулярного гуманизма на планетарном уровне может привести к грандиозному коллапсу, но только уже не в масштабе одной или нескольких стран, а в масштабе всего мира. В 1946 году Н. Бердяев писал: «Гуманизм, а значит и достоинство человека, могут быть возрождены лишь и религиозной глубины... Достоинство человека предполагает существование Бога»[29]. Эти слова великого русского философа, сказанные вскоре после окончания II мировой войны, отражают понимание гуманизма, характерное для традиционного христианства. Церковь отрицает право атеистов на монополизацию понятия «гуманизм» и отождествление гуманизма с воинствующим безбожием. Церковь протестует против дискредитации традиционных ценностей якобы во имя утверждения свободы и достоинства человека. Церковь противопоставляет попыткам объявить религию пережитком прошлого и изгнать ее с общественного поля якобы во имя торжества гуманизма. Церковь отвергает миф о науке как якобы доказывающей ошибочность основных постулатов религиозного верования. Церковь считает свое понимание достоинства и свободы человека наивысшей формой гуманизма – не менее научной» и «прогрессивной», чем антропологические теории современных агностиков и атеистов.

Нравственные последствия отрицания традиционных ценностей. Вопросы семейной и сексуальной этики

Перейдем к вопросу о том, как отрицание традиционных ценностей сказывается на человеческой нравственности. В качестве примера рассмотрим некоторые аспекты семейной этики, сексуального поведения и взаимоотношений между полами во всех традиционных религиях, включая христианство, иудаизм и ислам, существует представление о браке как богоустановленном союзе мужчины и женщины. Христианство настаивает на уникальности и принципиальной нерасторжимости брака, осуждая развод как грех (хотя из этого правила и существует ряд исключений). В православной традиции брак воспринимается как пожизненный союз супругов, скрепленных не только физической, но и духовной близостью. Главой семьи, по учению апостола Павла, является муж: он должен любить жену, как Христос любит Свою Церковь, а она должна повиноваться ему, как Церковь повинуется Христу[30]. «В этих словах речь идет не о деспотизме мужа или закреплении жены, но о первенстве в ответственности, заботе и любви; не следует также забывать, что все христиане призваны к взаимному "повиновению друг другу в страхе Божиим"[31]. Поэтому "ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе. Ибо, как жена от мужа, так и муж через жену; все же – о Бога"[32].

Православная Церковь осуждает любые виды блуда, прелюбодеяния и супружеской неверности, а также проституцию и либертинаж. В то же время, вопреки расхожим представлениям, Церковь «отнюдь не призывает пользоваться телом или половой близостью как таковыми, ибо телесные отношения мужчины и женщины благословлены Богом в браке, где они становятся источником продолжения человеческого рода и выражают целомудренную любовь и единую общность, "единомыслие душ и телес" супругов». Осуждения, по учению Церкви, «заслуживают превращение тех чистых и достойных по замыслу Божию отношений, а также самого человеческого тела в предмет униженной эксплуатации и торговли, предназначенный для извлечения эгоистического, безличного, безлюбивого и извращенного удовлетворения. По этой же причине Церковь неизменно осуждает проституцию и проповедь так называемой свободной любви, совершенно отделяющей телесную близость от личностной и духовной общности, о тверденности и всецелой ответственности друг за друга, которые осуществимы лишь в пожизненной брачной общности»[33].

Согласно православному пониманию, неотъемлемой составляющей брачного союза, плодом любви мужа и жены становятся дети, рождение и воспитание которых являются одной из основных целей брака[34]. Бездетность еще в Ветхом Завете воспринималась как наказание свыше, тогда как наличие в семье детей считалось благословением Божиим: «Вот наследие от Господа: дети; награда от Него – плод чрева»[35]. В соответствии с этим представлением Православная Церковь считает недопустимым добровольный отказ от деторождения и искусственное прерывание беременности. Категорически осуждается аборт, который Церковь приравнивает к убийству, настаивая на личной ответственности всех его участников – женщины, мужчины (в случае его согласия на совершении аборта) и врача[36].

Использование контрацептивов также является недопустимым. Впрочем, в данном отношении Церковь применяет дифференцированный подход, отличая противозачаточные средства, обладающие abortивным действием, от тех, которые не связаны с пресечением уже начавшейся жизни: первые приравниваются к аборту, вторые – нет[37]. На основании Священного Писания и Предания Церковь осуждает гомосексуальные половые связи, усматривая в них порочное искажение богозданной природы человека. Что же касается гомосексуальных наклонностей, не перерастающих в гомосексуальное поведение, то они, по мнению Церкви, «врачуются таинствами, молитвой, постом и т.д. в соответствии со Священным Писанием и святоотеческими творениями, а также христианским общением с верующими людьми»[38].

Во всех перечисленных пунктах православное учение не имеет принципиальных отличий от учения Римско-Католической Церкви (за исключением, пожалуй, лишь идеи главенства мужа в семье, которая в современных католических документах деликатно замалчивается). Католическая Церковь тоже настаивает на единстве и неразрывности брачного союза[39], на недопустимости развода, который объявляется «серьезным нарушением равственного закона»[40]; говорит о двойной цели брака: благе самих супругов и передаче жизни[41]. Плодородие в браке является даром Божиим: «Призванные давать жизнь, супруги причастны творческому могуществу и отцовству Бога»[42]. Регулирование рождаемости допустимо, если оно осуществляется при помощи естественных средств (например, воздержания)[43], однако недопустимо использование противозачаточных средств[44]. Категорически недопустимым признается аборт, который объявляется «преступлением против человеческой жизни»[45]. Католическая Церковь признает сексуальность «источником радости и наслаждения»[46], однако подчеркивает, что она «предназначена для супружеской любви мужчины и женщины. В браке телесная интимность супругов становится знаком и залогом духовного общения»[47]. Любые проявления сексуальной активности вне брака, в том числе прелюбодеяние[48], блуд, проституция и изнасилование[49], Католическая Церковь считает неприемлемыми и порочными. Церковь проводит различие между гомосексуальными действиями, которые являются тяжелой формой извращения и признаются «безусловно незаконными», и гомосексуальными наклонностями, которые могут быть рожденными и не детерминированными свободным выбором человека. Согласно католической доктрине, «люди склонные к гомосексуализму, призваны к целомудрию. Благодаря добродетелям самообладания, воспитывающим внутреннюю свободу, иногда с помощью бескорыстной дружбы, молитвы и благодати таинств, эти люди могут и должны постепенно и решительно приближаться к христианскому совершенству»[50].

Во 2-й половине XX века вышеперечисленные нормы считались общепринятыми в большинстве западных государств. Однако послевоенная «сексуальная революция» и всплеск феминистического движения в 1960-е годы привели к радикальной трансформации семейной и половой этики. Началась лавинообразная либерализация законодательства в области морали, продолжающаяся по сей день. Грандиозная, беспрецедентная по своему размаху социальная ломка, вызванная сексуальной революцией, затронула практически все страны Запада. За неполные полвека традиционные представления о семье и сексе оказались ниспровергнуты: они уступили место прогрессивным», основанным на либеральном мировоззрении нормам. Это не только коренным образом изменилось облик западной цивилизации, но и создало непреодолимую пропасть между нею и теми цивилизациями, где традиционная семейная и половая этика продолжает сохраняться.

Прежде всего, был провозглашен тезис о равенстве между мужчиной и женщиной. Сам по себе этот тезис не вызывает сомнений, когда речь идет о политическом, культурном и социальном равенстве, о праве женщин на аборт, участие в общественной жизни, в органах управления и т.д. Проблема заключается в том, что в результате завоеваний сексуальной революции и феминистического движения был нарушен некий естественный, то есть коренной в природе человека баланс между мужчиной и женщиной в семье, была подорвана идея материнства разрушено представление о муже как «кормильце», на котором лежит основная обязанность по материальном обеспечению семьи. Отныне и мужчина, и женщина в равной степени озабочены реализацией своего профессионального потенциала, и оба они должны нести бремя финансовой ответственности за семью. Но когда основные силы женщины уходят на карьеру и добывание денег, резко сокращаются ее возможности по рождению и воспитанию детей. В этом одна из причин уменьшения числа многодетных семей, увеличения числа семей с одним или двумя детьми, а также бездетных супружеских пар, общего снижения рождаемости в большинстве стран Запада в последние годы.

В ходе сексуальной революции был подвергнут поруганию тезис о единственности и неразрывности брачного союза. Идеологи революции объявили институт неразрывного брака устаревшим, реакционным, основанным на социальном и экономическом угнетении, не приспособленным к естественному стремлению человека получить максимальное половое удовлетворение[51]. Был провозглашен принцип «свободной любви», предполагающей

вободу половых связей вне контекста брачного союза, неограниченность количества сексуальных партнеров, право на измену, право на добрачные половые связи, право супружеских пар на развод. Традиционным идеалом супружеской верности и целомудрия был противопоставлен гедонистический принцип удовлетворения полового влечения как определяющий сексуальное поведение индивидуума. Данное умонастроение, активно внедряемое средствами массовой информации и общеобразовательными учреждениями, привело к резкому увеличению числа разводов, что также способствовало углублению демографического кризиса, поразившего страны Запада. В ответ на защиту так называемых «репродуктивных прав» женщины, сексуальная революция разработала программы по «планированию семьи» и широкому внедрению в массы контрацептивных средств. Было предложено «научное обоснование» этих программ, основанное на тезисе о перенаселенности земного шара и о грозящей миру нехватке природных ресурсов. С начала 1960-х годов получили распространение противозачаточные таблетки, употребление которых возрастало в геометрической прогрессии: в одной только Америке, где эти таблетки появились в 1960 году, три года спустя их употребляли уже 6 % женщин, а десять лет спустя – 43 % [52]. К настоящему моменту употребление противозачаточных средств является на Западе общепринятой нормой: можно без преувеличения сказать, что ими пользуется абсолютное большинство женщин.

Сексуальная революция нанесла мощный удар по традиционному представлению о праве каждого человека, в том числе нерожденного младенца, на жизнь. Была развернута всемирная кампания по легализации абортов. Известно, что первой страной, легализовавшей аборт, была Советская Россия, где это произошло в 1920 году. (Правда, в 1936 году, в результате постигшего страну демографического кризиса, запрет на аборты был возобновлен, но в 1955 году окончательно отменили). В Советском Союзе легализация абортов была лишь одним из пунктов программы по исправлению традиционных ценностей и по атеизации населения. В странах Запада, где влияние традиционных ценностей сохранялось несколько дольше, легализация абортов стала возможной лишь в результате сексуальной революции 1960-х. С этого времени по начало 1990-х годов аборт [53] был легализован в большинстве западных стран, в том числе Великобритании (1967), Финляндии (1970), Дании (1973), США (1973), Австрии (1974), Франции (1975), Швеции (1975), Италии (1978), Норвегии (1979), Нидерландах (1981), Греции (1986), Чехословакии (1987), Болгарии (1990), Румынии (1990), Албании (1991), Бельгии (1991), Германии (1993), Венгрии (1993). [54] Сегодня аборт официально запрещен только в тех странах, где еще сильно влияние Католической Церкви, а именно в Ирландии, Польше, Испании, Португалии и на Мальте [55]. Но надолго ли сохранится этот запрет? Отметим, что Польша представляет собой уникальный пример страны, где под влиянием Церкви законодательство об абортах было ужесточено (произошло это в 1993 году); в остальных перечисленных странах оно изменялось исключительно в сторону либерализации.

Одним из «достижений» сексуальной революции стало изменение традиционно негативного отношения к гомосексуальным половым связям, а также к другим формам сексуального поведения, до недавнего времени ходившим в разряд половых извращений (в частности, бисексуализм, транссексуализм). Это изменение является результатом планомерной и многолетней деятельности борцов за права сексуальных меньшинств по изменению общественного мнения в свою пользу и по либерализации законодательства в области сексуальной этики. В каждой стране события разворачиваются по одному и тому же сценарию. Сначала борцы за права сексуальных меньшинств призывают к толерантности по отношению к своему образу жизни, затем добиваются легализации гомосексуализма на законодательном уровне. Далее следует борьба за полное равноправие между гомосексуальными и гетеросексуальными связями и за признание однополых союзов равноценным браку со всеми вытекающими отсюда последствиями (включая получение однополыми парами государственных субсидий и льгот, причитающихся лицам, состоящим в браке). Наконец, однополые пары добиваются права на усыновление и воспитание детей. В разных странах Запада этот процесс происходит с разной скоростью, однако общая тенденция в сторону отмены каких бы то ни было запретов и ограничений в области сексуального поведения прослеживается очень четко. Пока не перейден лишь последняя черта: не дана официальная санкция на соращение малолетних. Но долго ли борцам за сексуальную свободу придется ждать преодоления этого рубежа? Хотел бы подчеркнуть, что современное традиционное христианство отнюдь не требует возрождения гонений над представителями сексуальных меньшинств и не призывает к их дискриминации. Однако Церковь противопоставляет попыткам представить греховную тенденцию как норму и выступает против любых видов пропаганды гомосексуализма [56]. Множество примеров свидетельствует о том, что в обществе, где пропаганда гомосексуализма запрещена, это явление, если и существует, то отнюдь не в массовых масштабах (примером могут послужить исламские страны). И наоборот, там, где ведется систематическая пропаганда гомосексуализма, это явление приобретает массовый характер. Сегодня на Западе правила политкорректности запрещают любую критик

омосексуализма, тогда как его пропаганда – через средства массовой информации и через систему школьного образования – поощряется и приветствуется. Внедрение положительного образа «однополый любви» является одной из идеологических парадигм современной западной цивилизации, а отмена «дискриминационных» законов в отношении сексуальных меньшинств выдвигается в качестве требования ко всем странам, стремящимся вступить в цивилизованное сообщество». К примеру, нормативные акты Евросоюза предписывают не принимать в члены Союза те государства, где не отменены подобного рода законы. По этой причине Кипр не мог войти в состав Союза пока там не был легализован гомосексуализм; аналогичное требование сейчас предъявлено к Румынии как кандидату в члены Евросоюза. Все эти тенденции не могут не вызывать серьезную озабоченность традиционных Церквей. Каковы последствия сексуальной революции для стран Запада? Чем обернулось для народов Европы и Америки, а также других развитых стран, отвержение традиционных моральных ценностей и замена их либеральными нормами? К чему уже привело изменение законодательства в области сексуальной этики и к чему приведет в будущем ее дальнейшая либерализация?

Все больше и больше людей приходит к пониманию того, что последствия сексуальной революции, обернувшейся беспрецедентным демографическим кризисом, оказались катастрофическими и ужасающими для всей западной цивилизации. Это убеждение сегодня разделяют не только религиозные лидеры, но и многие общественные деятели и политики – прежде всего те, которые придерживаются консервативных убеждений. Американский политик Патрик Бьюкенен в книге с характерным названием «Смерть Запада» уже назвал homo occidentalis «исчезающим видом». Подобно тому, как прирост населения всегда считался признаком здоровья нации и цивилизации в целом, депопуляция есть признак болезни народа и общества, – пишет Бьюкенен. – В нынешних условиях отсюда следует, что западная цивилизация, несмотря на все свое могущество и богатство, находится в глубочайшем упадке... В 1960 году европейцев вместе с американцами, австралийцами и канадцами насчитывалось 750 миллионов человек, что оставляло одну четвертую от трехмиллиардного населения земного шара... За сорок лет население земного шара увеличилось вдвое, с трех до шести миллиардов человек, но европейские (в широком смысле) народы практически прекратили воспроизводство. Во многих западных странах смертность ныне соответствует рождаемости, а то и превосходит последнюю. Из сорока семи европейских стран только одна, мусульманская Албания, демонстрирует в 2000 году уровень рождаемости, достаточный для сохранения народа. Остальная Европа вымирает. Прогнозы весьма печальны. В период с 2000 по 2050 год население земного шара возрастет на три с лишним миллиарда человек и составит свыше девяти миллиардов[57], однако это пятидесятипроцентное увеличение численности населения произойдет исключительно за счет стран Азии, Африки и Латинской Америки, а сто миллионов европейцев просто исчезнут с лица земли. В 1960 году люди европейского происхождения составляли четверть мирового населения; в 2000 году – уже одну шестую; к 2050 году они будут составлять всего лишь одну десятую. Какова печальная статистика исчезающей расы. При сохранении текущего уровня рождаемости европейское население к концу двадцать первого столетия сократится до 207 миллионов человек, то есть до тридцати процентов от сегодняшнего. Колыбель западной цивилизации станет и ее могилой»[58]. Какая ирония! – восклицает Бьюкенен. – Сегодня ослабевший, умирающий христианский Запад требует от третьего мира и "мусульманского пояса" принять контрацептивы и легализовать аборт и стерилизацию. Но для чего этим народам заключать с нами самоубийственный пакт, когда они и без того унаследуют от нас, безвременно сошедших со сцены, весь земной шар?»[59] И эти слова – отнюдь не демагогия популистского лидера, продиктованная политической конъюнктурой: это вывод, основанный на статистических данных и бесстрастных научных прогнозах. В своей книге Бьюкенен показывает, что коллапс института брака и брачного чадородия, торжество промискуитета, стремительно нарастающее число разводов, легализация абортов, широкое распространение контрацепции, либерализация сексуальной этики – все это теснейшим образом связано с отказом Запада от традиционных равноправных устоев, сформированных религиозным мировоззрением. «Культурная революция» 2-й половины XX века, ниспровергшая основы традиционной морали, сместила западный образ мышления от христианских ценностей – жертвенности, альтруизма, верности – к воинствующему мирскому индивидуализму, который поставил западную цивилизацию на грань гибели. «Лишь общественная контрреволюция или религиозное возрождение способны развернуть Запад в нужном направлении, прежде чем падение рождаемости достигнет критической отметки и опустит нас навес в финале сыгранной homo occidentalis пьесы», – заключает Бьюкенен[60].

традиционное и либеральное отношение к смерти. Дебаты об эвтаназии

антигуманную сущность современного атеистического гуманизма с особой яркостью демонстрируют развернувшиеся в последнее время дебаты об эвтаназии, в которых гуманисты последовательно отстаивают «право на смерть» для безнадежно больных людей. Наиболее радикальные гуманисты идут еще дальше и утверждают, что право на смерть должно принадлежать всем людям, в том числе и здоровым, и что каждый человек, пожелавший расстаться с жизнью может или самостоятельно совершить самоубийство или обратиться к врачам за помощью в этом деле. Во многих странах Запада существуют общества, занимающиеся пропагандой эвтаназии и самоубийства. Во Франции функционирует «Ассоциация за право умереть с достоинством», в Японии – «Общество за смерть с достоинством». В Америке в течение почти двадцати лет действует «Hemlock Society», насчитывающее около 25 тысяч членов[61]; его девиз: «Хорошая жизнь, хорошая смерть». Основатель общества – Дерек Хамфри, автор книги «Последний выход» своего рода пособия по самоубийству. В книге содержатся многочисленные советы о том, как покончить с жизнью самому или помочь это сделать другому, приводятся таблицы смертельных доз различных лекарств, обсуждаются достоинства цианистого калия, предлагаются многочисленные практические средства для решивших задохнуться – от полиэтиленового пакета до выхлопных газов. Свои идеи Хамфри подтвердил на практике, оказав помощь в совершении самоубийства своей жене, брату и тестю (жена и ее отец приняли по рецепту Хамфри снотворное, брату он сломал аппарат искусственного поддержания жизни)[62]. Современные пропагандисты эвтаназии отрицают всякую связь между своими идеями и процессами происходившими в нацистской Германии. Между тем, именно там была впервые разработана теория эвтаназии, и именно там эту теорию впервые опробовали на практике. В 1936 году доктор Хельмут Унгер опубликовал историю врача, который помог уйти из жизни своей жене, страдавшей обширным склерозом. На основе этой истории был оздан фильм, вызвавший сочувствие широкой публики к идее «милосердной смерти». Вскоре к Гитлеру обратился отец неизлечимо больного ребенка с просьбой разрешить врачам его умертвить. Гитлер передал дело своему личному врачу, Карлу Брандту, который удовлетворил просьбу. В 1939 году Гитлер поручил рейхсляйтеру Боулеру доктору Брандту выдавать разрешение врачам на «дарование милосердной смерти тем пациентам, которые, по человеческому суждению, являются неизлечимо больными». Вскоре в Германии появился первый Hungerhaus («дом голода») – так называлось медицинское заведение, в котором неизлечимо больных младенцев и стариков умерщвляли голодом. В период с 1939 по 1941 годы эвтаназия стала рутинным явлением: неизлечимо больных алек и умственно неполноценных лиц по приговору врачей систематически уничтожали в газовых камерах. В эти годы по «программе эвтаназии» было умерщвлено около 70 тысяч человек, а к моменту окончания II мировой войны общее число жертв программы, по оценке Нюрнбергского трибунала, составило 275 тысяч. На Нюрнбергском процессе доктор Брандт заявил: «Основным мотивом было желание помочь тем лицам, которые не могли помочь сами себе и лишь продлевали свои мучения... Цитировать сегодня клятву Гиппократа – значит провозглашать, что инвалидам и людям, испытывающим боль, никогда нельзя давать яд. Но любой современный доктор, который делает такое риторическое и безапелляционное заявление – лжец или лицемер... Я лишь сокращал мучительное существование несчастных существ»[63].

Та же аргументация лежит в основе философии современных защитников эвтаназии, которые находят все больше сторонников среди европейских законодателей. В послевоенный период эвтаназия находилась под запретом во всех странах Европы. В большинстве западных стран она по-прежнему остается нелегальной, хотя на практике применяется все более широко. Однако постепенное изменение общественного мнения в пользу эвтаназии привело к тому, что в двух европейских странах – Нидерландах и Бельгии – в 2002 году были приняты законы, согласно которым врачи, оказавшие содействие в самоубийстве безнадежно больным людям, освобождаются от уголовной ответственности. Подобные же нормы, по-видимому, будут в скором времени введены и в других европейских странах, а также могут войти в законодательство Евросоюза. В Совете Европы уже обсуждается резолюция о необходимости приведения законодательных норм в согласие с существующей практикой и о легализации «активной эвтаназии», то есть права врачей «прекратить жизнь пациента по его активной, настойчивой и продуманной просьбе»[64]. Пока речь не идет о программе по систематическому уничтожению неизлечимо больных, подобной той, что применялась в гитлеровской Германии, но где гарантия того, что, отменив один запрет, европейские законодатели – разумеется, исключительно в «гуманных» целях – не захотят затем отменить и другие запреты? Против легализации эвтаназии сегодня выступают представители традиционных Церквей, в том числе Католической и Православной. Кардинальное различие во взглядах на эвтаназию и самоубийство между христианской традицией и либеральным гуманизмом базируется на различии исходных предпосылок в представлении о жизни и смерти. В либеральном гуманизме оба вопроса рассматриваются, прежде всего, в контексте проблематики пра

человека: каждый человек – хозяин своей жизни, и потому, если кому-то надоела жизнь, он имеет право пресечь ее [65]. В христианской традиции, напротив, владыкой жизни и смерти признается Бог. Поэтому Православная Церковь считает самоубийство тяжким грехом, а эвтаназию приравнивает к самоубийству или убийству, независимо от того, принимает ли в ней участие сам пациент [66]. Православная Церковь «не может признать равноправными приемлемыми распространенные ныне в светском обществе попытки легализации так называемой эвтаназии, то есть намеренного умерщвления безнадежно больных (в том числе по их желанию). Просьба больного об ускорении смерти подчас обусловлена состоянием депрессии, лишаящим его возможности правильно оценить свое положение» [67]. Католическая Церковь также считает эвтаназию «нравственно неприемлемой», называя ее убийством, которое тяжким образом попирает достоинство человека и уважение к Богу живому, Его Создателю» [68]. Либеральный подход рассматривает жизнь человека как абсолютную ценность, а болезнь и смерть как зло. В христианской традиции земная жизнь не считается абсолютной ценностью, так как христиане исходят из перспективы вечного бытия, болезнь рассматривается как испытание, могущее принести духовную пользу, а смерть – как переход в мир иной. Нерелигиозный человек, не верящий в жизнь после смерти, стремится прожить на земле как можно дольше: отсюда попытки продлить жизнь при помощи искусственных средств, когда естественные функции человеческого организма отказывают. Церковь придерживается иной точки зрения, считая, что «продление жизни искусственными средствами, при котором фактически действуют лишь отдельные органы, не может рассматриваться как обязательная и во всех случаях желательная задача медицины» [69]. Церковь допускает прекращение дорогостоящих, опасных, экстраординарных или несоизмеримых ожидаемому результату медицинских процедур поскольку в таком случае «нет намерения принести смерть, есть только признание невозможности помешать ей» [70]. Нерелигиозный человек боится смерти, боится мысли о смерти, подготовки к смерти, предсмертной болезни: отсюда распространенный взгляд на внезапную смерть как наиболее благополучный исход. Христиане, напротив, готовятся к смерти и в то же время молятся об избавлении от внезапной смерти, считая для себя благом иметь возможность подготовиться к смертному исходу, который считается духовно значимым этапом жизни человека. Окруженный христианской заботой, умирающий в последние дни земного бытия способен пережить благодатное изменение связанное с новым осмыслением пройденного пути и покаянным предстоянием перед вечностью [71]. Этого лишается как самоубийца, так и человек, подвергнутый эвтаназии. Вопрос об эвтаназии несет в себе целый ряд дополнительных моральных коллизий, которые тесным образом связаны с проблематикой спора о традиционных и либеральных ценностях. Речь идет, в частности, о функциях и роли врача. Согласно религиозному представлению, закрепленному многовековой традицией, задачей врача является лечение болезней и сохранение жизни больного, а отнюдь не пресечение жизни. Клятва Гиппократова гласит: «Я не дам лекарство, несущее смерть, даже если меня будут просить». Врач, оказавший содействие в умерщвлении больного, даже если это произошло с согласия или по просьбе последнего, принимает на себя функции палача. Исчезает тот нравственный критерий, который на протяжении веков делал профессию медика столь почетной и благодаря которому пациент доверял свою жизнь врачу. Легализация эвтаназии сделает такое доверие невозможным. Более того, она откроет дверь для превращения врачей в серийных убийц. Ужасающим примером подобного рода является американец Джек Кеворкян, получивший прозвище «доктор Смерть»: будучи активистом борьбы за эвтаназию, он «помог» избавиться от жизни 130 пациентам. На суде он доказывал, что делал это исключительно из гуманных соображений, дабы облегчить страдания неизлечимо больных. Другим серийным убийцей в медицинском халате стал англичанин Гарольд Шипман, повесившийся в тюремной камере в январе 2004 года: следствие инкриминировало ему убийство 352 пациентов, которых он умерщвлял на протяжении многих лет своей врачебной практики. Правда, по версии обвинения, Шипман был маньяком, и его действия не были мотивированы гуманными соображениями. Однако если врачи получают официальную «лицензию на убийство», что может оградить пациентов от новых шипманов и обезопасить самих врачей от появления в их среде серийных убийц?

Еще одна моральная коллизия, косвенно связанная с эвтаназией, касается постепенного изменения соотношения между молодежью и людьми пожилого возраста в западных странах. В 2002 году в ООН был подготовлен доклад согласно которому процесс старения населения в современном мире не имеет аналогов в истории человечества: увеличение пропорции пожилых людей (в возрасте от 60 лет и старше) сопровождается снижением пропорции молодых людей (в возрасте до 15 лет). К 2050 году число пожилых людей в мире впервые в истории человечества превысит число молодых [72]. С наибольшей скоростью процесс старения населения происходит в развитых странах Запада, где он обусловлен как стремительным снижением уровня рождаемости, так и увеличением продолжительности жизни за счет улучшения качества медицинского обслуживания и ряда других факторов. Ни

известно, что чем выше будет средний возраст населения той или иной страны, тем более тяжелое финансовое время ляжет на плечи каждого молодого человека в этой стране, ибо ему придется платить все более высокие налоги и содержание все увеличивающейся армии стариков. В этой ситуации эвтаназия может оказаться особенно острой в качестве легкого способа избавления от необходимости тратить средства на содержание пожилых людей. Последним будут все чаще напоминать об их «праве на смерть» и о возможности «уйти с достоинством»

заключение.

Благословение

или

проклятие

Иногда кажется, что мы живем в перевернутом мире. В мире, где шкала ценностей опрокинута, где добро названо злом, и зло добром, жизнь смертью, и смерть жизнью. Ценности, основанные на религиозном нравственном идеале по-прежнему остающиеся традиционными для большинства людей на земном шаре, подвергаются систематическому орудению, а новые моральные нормы, не укорененные в традиции и противоречащие самому человеческому чувству, внедряются в массы. У миллионов нерожденных младенцев отнимают жизнь, а старикам и неизлечимо больным предлагают «право на смерть». Идеалы семьи, брака, супружеской верности, чадородия осмеиваются и плеваются, а сексуальные извращения и «свободная любовь» активно пропагандируются и поощряются. Чумоносительствующего безбожия и либерализма поразила миллионы людей на Западе: у одних она отняла жизнь, другим она дала возможность родиться, третьим предоставила право «уйти с достоинством». Но гуманисты-атеисты лишь доволетворенно потирают руки, заявляя о том, что проблема роста населения в развитых странах Европы и Северной Америки успешно решена[73]. Они предпочитают не замечать того, что всеобщая переоценка ценностей же ввергла западную цивилизацию в демографическую пропасть, а теперь грозит еще и глобальным межцивилизационным конфликтом в том случае, если эпидемия либерализма охватит и другие регионы мира. Сегодня каждый верующий человек на Западе должен задуматься о своем будущем и о будущем своего потомства своей страны, своей цивилизации. Религиозным людям необходимо осознать особую ответственность, которая на них возложена, и вступить в диалог с секулярным мировоззрением, если же диалог с ним невозможен – то в открытое противостояние ему. Верующие должны напомнить западной цивилизации о том мировоззренческом выборе, от которого напрямую зависит, быть ей или не быть. Суть этого выбора невозможно выразить точнее, чем это сделал Моисей, обращаясь к народу израильскому: «Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло. Если будешь слушать заповеди Господа Бога твоего... то будешь жить и размножишься, и благословит тебя Господь Божий... Если же отвратится сердце твое, и не будешь слушать, и заблудишь... то я возвещаю вам сегодня, что вы погибнете и не пробудете долго на земле... Во свидетели перед вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, чтобы жил ты и потомство твое...»[74]

1] Гуманистический манифест 2000 года, гл. V (полный текст см. на сайте: <http://credo.osu.ru/020/001.shtml>).

2] Там же, гл. II.

3] Ф. Фукуяма. Конец истории?

4] Ф. Фукуяма. Конец истории и последний человек, гл. 28.

5] Там же, гл. 24.

6] Там же, гл. 28.

-
- 7] Косиченко А. Г. Влияние глобализации на культуру и ценности человека (<http://www.kisi.kz/Parts/Globaliz/12-29/1Kosichenko.html>).
- 3] См. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Норма веры как норма жизни. Проблема соотношения между традиционными и либеральными ценностями в выборе личности и общества. Независимая газета № 28 (2090) 6 февраля 2000 г. (Полный текст имеется на сайте <http://www.nasled.ru/analit/culture/bogoslov.htm>).
- 9] Constitutional Treaty for the European Union, article I-52.
- 10] Constitutional Treaty for the European Union, preamble.
- 11] Compendium of the Social Doctrine of the Church. Libreria editrice Vaticana, 2004.
- 12] См., в особенности, Основы социальной концепции, XVI.4.
- 13] Compendium of the Social Doctrine of the Church, 85.
- 14] Гуманистический манифест 2000 года, предисловие.
- 15] Compendium of the Social Doctrine of the Church, 544.
- 16] Compendium of the Social Doctrine of the Church, 98.
- 17] Compendium of the Social Doctrine of the Church, 19.
- 18] Быт. 1:26; 5:1.
- 19] Точное изложение православной веры 2, 12.
- 20] См. В. Лосский. Догматическое богословие, гл. 17.
- 21] Гуманистический манифест 2000 года, гл. III.
- 22] Майкл Гохин. Строительство для будущего: мировоззрение на песке или на скалах (<http://www.crimea.com/~creation/text/68.htm>).
- 23] П. Бьюкенен. Смерть Запада, гл. 10 (полный текст книги см. на сайте: <http://libereya.ru/biblus/bukenen/910.htm#10>).
- 24] К. Маркс. Критика гегелевской философии права.
- 25] Г. Раушнинг. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993. С. 51-54.
- 26] Всеобщая декларация прав человека, преамбула.
- 27] Humanist Manifesto II, preface (<http://www.americanhumanist.org/about/manifesto2.html>).
- 28] Ibid., section on Religion.
-

29] Н. Бердяев. Пути гуманизма. В кн.: Истина и откровение. СПб., 1996. С. 194.

30] Еф. 5:22-23; Кол. 3:18.

31] Еф. 5:21.

32] 1 Кор. 11:11-12. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви X, 5.

33] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви X, 6.

34] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви X, 3-4.

35] Пс. 126:3.

36] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви XII, 2.

37] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви XII, 3.

38] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви XII, 9.

39] Катехизис Католической Церкви 2363-2365.

40] Катехизис Католической Церкви 2383.

41] Катехизис Католической Церкви 2362.

42] Катехизис Католической Церкви 2365-2366.

43] Катехизис Католической Церкви 2367-2369.

44] Катехизис Католической Церкви 2370.

45] Катехизис Католической Церкви 2270-2275.

46] Катехизис Католической Церкви 2361.

47] Катехизис Католической Церкви 2359.

48] Катехизис Католической Церкви 2379-2380.

49] Катехизис Католической Церкви 2352-2355.

50] Катехизис Католической Церкви 2356-2358.

51] См., например, В. Райх. Сексуальная революция, гл. :
http://www.orgonomic.narod.ru/w/lib/sexrev/sexrev9.htm#hdr_15).

52] П. Бьюкенен. Смерть Запада, гл. 2.

53] В данном случае речь идет об аборте в течение первых 12 недель беременности.

54] Данные почерпнуты из исследования: Phillip B. Levine, Douglas Staiger. Abortion as Pregnancy Insurance. National Bureau of Economic Research, 2001 (<http://irm.wharton.upenn.edu/F01-Levine.pdf>).

55] В Ирландии запрещены любые формы аборта; в Польше, Испании и Португалии разрешен лишь аборт при особых обстоятельствах, например, при угрозе жизни матери.

56] Ср. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви XII, 9.

57] Подробная статистика содержится в материале Human Population: Fundamentals of Growth (http://www.prb.org/Content/NavigationMenu/PRB/Educators/Human_Population/Population_Growth/Population_Growth.htm).

58] Патрик Дж. Бьюкенен. Смерть Запада, гл. 1.

59] Патрик Дж. Бьюкенен. Смерть Запада, гл. 2.

60] Там же.

61] The Real Hemlock Society (<http://www.notdeadyet.org/hemlock.htm>).

62] Право на смерть (http://xx.lipetsk.ru/xx_17.shtml).

63] P. J. King. Lessons from History: Euthanasia in Nazi Germany (<http://www.pregnantpause.org/euth/nazieuth.htm>); Holocaust Encyclopedia: Euthanasia Programme (<http://www.ushmm.org/wlc/article.php?lang=en&ModuleId=10005200>).

64] Парламентская Ассамблея Совета Европы, документ № 9898 от 10 сентября 2003 год; <http://assembly.coe.int/Documents/WorkingDocs/Doc03/EDOC9898.htm>.

65] См, например, Lawrence Stephens. Suicide: A Civil Right (<http://www.antipsychiatry.org/suicide.htm>).

66] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви XII, 8.

67] Там же.

68] Катехизис Католической Церкви 2277-2278.

69] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви XII, 8.

70] Катехизис Католической Церкви 2278.

71] Основы социальной концепции Русской Православной Церкви XII, 8.

72] Старение населения: цифры и факты (<http://www.un.org/russian/conferen/ageing/facts.htm>).

73] Ср. Гуманистический манифест 2000 года, гл. II.

74] Втор. 30:15-19.

© Епископ
Иларион
(Алфеев)

Биография•Библиография•Книги•Переводы•Статьи,
доклады•Катехизические материалы
Интервью•Рецензии•Аудио и видео
материалы•Новости•Фотографии•Разное•Гостевая книга

[вверх](#)